

18+

РОМАН БАБКИН

Инфоманские истории

Роман Бабкин

**Инфоманские истории. Научно-
фантастические рассказы**

«Издательские решения»

Бабкин Р.

Инфоманские истории. Научно-фантастические рассказы /
Р. Бабкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980806-6

«Инфоманские истории» — сборник научно-фантастических рассказов. В отличие от массовой продукции жанра, эти сюжеты построены на подлинно научных объяснениях природы и человека. Тут знание органично сочетается с художественным вымыслом. Который, возможно, поможет читателю по-новому переосмыслить реальные тренды современного информационного общества. А ещё — как знать? — его самого обратит в инфомана — того, кто увлечён поиском и переработкой полезной информации.

ISBN 978-5-44-980806-6

© Бабкин Р.

© Издательские решения

Содержание

Группа поддержки	6
AZ, Великий и Ужасный	10
Что вы знаете о ...?	17
Грех бессловесности	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Инфоманские истории Научно-фантастические рассказы

Роман Бабкин

© Роман Бабкин, 2020

ISBN 978-5-4498-0806-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Группа поддержки

Пора было начинать. В ярко освещенной комнате собрались люди, рассевшись кружком. Инфолог оглядел их, прокашлялся и, фальшиво улыбаясь, объявил:

– Рад приветствовать всех вас на группе поддержки в нашем реабилитационном центре. Я – ведущий этой группы... Но прежде, чем мы приступим, хочу спросить. Кто скажет, какой сегодня день? Никто? Странно, вы должны знать... Сегодня вторник, 11 февраля, Всемирный День Безопасной и Добродетельной Цифровой Культуры.

На сообщение никто не отозвался. Только миловидная блондинка, словно собираясь что-то сказать, встрепенулась, но, передумав, промолчала. Инфолог поморщился.

– Ну, ладно. Продолжим. У нас новенький. Как тебя зовут?

Парень, к которому он обращался, смущенно заёрзал на стуле. Инфолог ждал, холодно улыбаясь. Собравшись с духом, пациент выдал:

– Привет... Меня зовут Макс.

– Привет, Макс, – уныло прогудели остальные.

– Тебя зовут Макс, и ты... – инфолог светился от счастья.

– Меня зовут Макс... И я... Я – инфоман, – стыдливо промямлил тот.

– Отлично, Макс! – воскликнул ведущий и назидательно пояснил: – Признание проблемы есть первый шаг к исцелению. Не надо стесняться. Тут все инфоманы. И собрались, чтобы помочь друг другу. Выслушать, посоветовать и, конечно, поддержать. Ведь так?

Инфоманы, съжившись, молчали. Ведущий с нажимом переспросил:

– Так?

– Ага... Конечно... Угу... А как же... – последовали нестройные ответы.

– То-то. Макс, думаю, тебе нужно познакомиться с народом. Так ты быстрее освоишься и поймешь правила. Кто хочет начать?... Тянешь руку, Мэган? Я же говорил, это необязательно. Просто говори.

Блондинка убрала руку, выпрямила спину и с видом зубрилки-отличницы затараторила:

– Меня зовут Мэган. Я – инфоманка. Информацией не пользуюсь уже 12 дней.

– Поаплодируем Мэган! – инфолог взвыл так, что Макс вздрогнул. Послышались жидкие хлопки. Небритый парень в расстегнутой пижаме и нелепой вязаной шапочке, фыркнув, аплодировать не стал.

– Спасибо, – жеманно поблагодарила блондинка. – До группы я пользовалась информацией каждый день. Строчила комменты, ставила «оки», «супы» и даже «мега-супы». Иногда по двадцать-тридцать в день. И ещё... Ещё постила свои фотки. Одни и те же. Меняла фильтры и опять постила. Снова и снова...

Девушка всхлипнула, закрыв лицо руками. Ведущий, желая приободрить, потянулся к ней рукой. Но между ними, вцепившись в края стула, сидела темноволосая пациентка. Она неподвижно уставилась в пол и при первых всхлипываниях Мэган начала медленно раскачиваться вперед-назад. Инфолог опасливо одёрнул руку, решив ограничиться словами:

– Ничего, Мэган, ничего. Продолжай.

– Однажды утром я проснулась. Было уже поздно: на работу опоздала. Кошмар! Не могу вспомнить, что делала вечером и ночью. Голова гудит, во рту – странный привкус. Муж уже ушёл на службу. Смотрю: на руке два браслета! Оба красные! – блондинка бросила хищный взгляд на пластиковый браслет, который в этой комнате был только у инфолога. Девушка обвинялся, словно змейка, вокруг левого запястья специалиста и излучал тусклый зеленоватый свет. Мэган с усилием отвернулась от него и продолжала рассказывать, широко раскрыв глаза и размахивая руками: – Листаю историю, и ужас! Поняла, что когда муж уснул, стащила его браслет! Чатила по обоим всю ночь напролёт! В запой. Сотня комментов, 262 новых френда,

349 перепостов! Я поняла... Поняла... Это дно! Так жить нельзя... – она стала захлёбываться слезами.

Прочие инфоманы равнодушно взирали на излияния Мэган. Похоже, они видели эту картину далеко не впервые. Но ведущий был явно возбуждён:

– Так, Мэган, так! Ты поняла и? И?! Ну, же, Мэг!!

– И... И обратилась за помощью-ю-у-а...

– Ты правильно поступила, Мэган! – специалист торжествовал. – Ты поделилась своим страданием. Чувствуешь облегчение?

– А-у-а-ы...

– Чувствуешь?

– Верните браслет!!

– Что? – опешил ведущий. – Это неприемлемо, Мэган.

– Браслетик! Хочу мой браслетик! – капризничала блондинка. Макс показалось, что она переигрывает.

– Я не могу выполнить твою просьбу, – инфолог обиделся.

– Это не просьба, – ледяным голосом произнесла Мэган, глядя на специалиста в упор вмиг просохшими глазами. Небритый парень расхохотался.

– Не вынуждай меня. Ты знаешь, я уполномочен принять меры... – инфолог угрожающе потянулся к своему браслету. Блондинка закинула ногу за ногу и демонстративно отвернулась. Ведущий облегченно вздохнул.

– Что ж, Мэган, за исключением твоей последней, явно неуместной, реакции ты показала, как мы вербализуем проблемы... Хм... Кто-нибудь ещё? Как насчёт тебя, Брайан?

Он обращался к самому тихому участнику группы. Тщедушный молодой человек с расчёсанными длинными волосами задумчиво почесал свою правую щеку, поправил на носу очки с толстыми линзами и нехотя открыл рот:

– Я – Брайан. И я типа инфоман.

– Почему ты здесь, Брайан? – ведущий снова был полон энтузиазма.

– Честно говоря, не знаю... Я работаю с рынком ценных бумаг. Работаю удаленно. Нужно анализировать кучу данных. Блин, уже три недели без устройства. Зашквар... У меня все информационные квоты на работу тратятся. Я ж не геймфаг какой-нибудь... А браслет глюкнул, – неожиданно заключил он.

– Ну-ну, Брайан, не скромничай, – картинно грозя пальцем, сказал инфолог. – Ты очень способный. Экспертиза обнаружила, что твой браслет взламывали, по крайней мере, четыре раза. Ничего об этом не знаешь?

– Нет, – сердито буркнул Брайан. Он потянулся почесать щеку, но передумал.

– Чего его стыдить-то? – встрял небритый. – Он информацией себе на хлеб зарабатывает. Ну, взломал пару раз свой запястник. Чтoб поток инфы не тормозил. Чё такого? Для дела же.

– Во-первых, – прошипел ведущий. – Не пару, а минимум четыре. Во-вторых, ты, Корк, нарушаешь правила – говоришь, когда не спрашивают. А в-третьих...

– Ну-ну, – пробубнил Корк.

– В-третьих, сам-то ты тут почему – не расскажешь новенькому? Киношки качал? Клубничку любишь?

– Люблю, – просто согласился небритый. Мэган прыснула, подавляя смех. Брайан энергично почесал обе щеки – сначала левую, потом правую. Темноволосая снова стала раскачиваться.

Макс улыбнулся, но тут же осекся. Ведущий, решив, по-видимому, игнорировать бунтаря, взялся за него:

– Твой черёд. Рассказывай.

– Ну, я... Я, вообще, по социалке загремел.

По группе пронесся возглас удивления. Темноволосая перестала раскачиваться. Ведущий вкрадчиво уточнил:

– Ты получил социальный бан?

– Ага.

Все ждали подробностей. И Макс стал рассказывать, чувствуя себя всё более уверенно и свободно:

– Я понимаю: цифровая культура, уважение к личности и всё такое. Но в тот день так замотался, устал... Я не оправдываюсь, просто говорю, как было... Прихожу домой, сажусь ужинать. Весь день не евши... Листаю новости на стене. А там гифка новая. Поросёнок застрял в яме под забором. Брыкается, визжит, а двинуться не может. Ни туда, ни сюда... Да ещё снято так. Сзади. Хвостик от возмущения трепещет, копытца землю лопатят...

Инфоманы, вслушиваясь, заулыбались. Ведущий неодобрительно поглядывал на них.

– Не, ну, какие эмоции от такой гифки? Смешно ведь. Ну, я и вклеил «мега-суп». А потом гляжу: блин, а народ-то грустные смайлики и «слезинки» ставит. Во, думаю, попал! Ну, и сразу, конечно, браслет с зелёного на красный сменился. И сообщение: «Вам надлежит явиться в реабилитационный центр завтра по такому-то адресу». Такие дела...

Группа захихикала. Особенно зацепило почему-то брюнетку. Она пыталась сдержать разбигающий её приступ хохота, зажимая себе рот руками. Получалось не очень. Инфолог заорал:

– Прекрати, Салли! – и, стараясь говорить серьёзно и поучительно, обратился к Максy: – Ничего смешного тут нет. Общество выражает своё консенсусное мнение, и мы обязаны его уважать. Ты подумал, скольких людей оскорбил, когда выдал эмоцию, неодобряемую большинством? Всем грустно, а ему, видите ли, смешно. Сколько детей, увидевших несчастное животное и сочувствуя ему, заметили под гифкой твой «мега-супер» и ужаснулись? Что они должны были подумать про себя? Что они как-то неправильно реагируют? Что с ними что-то не так? Ты привёл их в смятение.

Уже никто не смеялся. Даже Салли.

– Смятение – часть нашей природы. Стимулирует мышление и поиск истины, – внезапно брякнул Корк.

– Истина? – инфолог злобно сверкнул глазами, развернувшись к бунтарю. – Истина есть согласованное мнение большинства. И другой истины не бывает. Вы, инфоманы, покусаетесь на истину. Много информации вредно. Потому что в голове начинается когнитивный хаос. Да-да, это доказано наукой! Правда мешается с ложью. Но ещё вреднее распространение неуместной, оскорбительной информации. Общество держится на взаимном уважении. Без уважения к друг другу и доверия нельзя добиться устойчивого развития...

– Фигня всё это. Демагогия, – сказал Корк и зевнул. – Надо закругляться. Развели тут диктатуру...

– Это вы развели диктатуру! – неожиданно тонким голосом взвизгнул ведущий. – Навязываете обществу свои сомнительные оценки. Нонконформисты! Позёры! Хлюпики! Я вам покажу!..

Он стал судорожно что-то листать на своём браслете. Салли начала раскачиваться всё сильнее и сильнее: из груди её послышался ясно различимый, нарастающий гул. Мэган пошкольному тянула руку и трясла ей, пытаясь привлечь внимание. Брайан принялся усиленно расчёсывать левую щеку. Корк сложил руки на груди и закатил глаза. Ситуация явно выходила из-под контроля.

– Инфоманы грёбанные, умники яйцеголовые, – бормотал специалист. – Ну, погодите у меня. Сейчас вызову охрану...

Он, наконец, нашёл нужную функцию, и, победно вскрикнув, активизировал. Свет в комнате погас.

– Симуляция завершена, – сообщил приятный женский голос.

Макс открыл глаза и увидел, что остальные уже пробудились. Вместо поношенных серых пижам на людях была обычная одежда. Мэган и Салли что-то негромко обсуждали. Брайан потянулся, разминая затёкшую спину, и, буркнув что-то про кофе, вышел из помещения. На ближайшей к Максусу кушетке сидел Корк, гладко выбритый и без дурацкой шапочки. Он с добродушным любопытством разглядывал новичка.

– Я всё испортил? – с тревогой спросил Макс, отсоединяя разъём от затылка.

– Не переживай. Ты малость спровоцировал его. Бывает! В той реальности, где мы были, культурные табу слишком значимы. Надо было что-нибудь попроще ему кинуть. Как в легендах, которыми пользовались остальные. Количественное нарушение. Типа в принципе можно, но немного перестарался. Понимаешь? Тогда можно спокойно дискутировать. Опровергать стереотипы, искать аргументы, предлагать объяснения – постепенно приучать к свободному мышлению... А твоя история про поросёнка ему как красная тряпка для быка. Сам выдумал?

– Не, – Макс покачал головой. – Видел нечто подобное в хрониках начала века.

– Не парься. В конце концов, содержание симуляции, кроме нашего поведения, конструирует пациент. Сам захотел жить в таком мире.

Макс поднялся с кушетки и подошёл к прозрачной стене. За ней была другая комната. Там, опутанный проводами, в окружении экранов и приборов с лампочками, перемигивающимися красными и зелёными огоньками, на широкой кровати лежал человек, называвший себя в симуляции «инфологом». Глаза его были закрыты, он дышал спокойно и размерено.

– А что будет с ним, если у нас не получится? – спросил Макс.

Корк, приблизившись к нему, ответил:

– Будем пробовать. Снова и снова, – он на секунду задумался. – Должно получиться. Во всяком случае, сдаваться не собираемся. Прежде, чем вырвать больной зуб, его расшатывают. А заблуждения и предрассудки крепче зубов. Нужно время. И помощники. Ты, вот, вызвался... Завтра придёшь?

– Ну, а что, – Макс пожал плечами. – Страдает ведь человек. Жалко.

– Другого и не ждал, – подмигнул Корк. – Мы ж инфоманы. Группа поддержки.

AZ, Великий и Ужасный

– Как вы его назвали?

– AZ. По первой и последней букве алфавита. Как символ полноты данных. Устройство оперирует всей имеющейся на Земле информацией и создаёт новые алгоритмы. Ему доступны вычисления любой сложности.

Мистер Норрис усмехнулся. Ну, да – буквы алфавита. Которые, будто по случайному совпадению, являются начальными в имени и фамилии оказавшегося в его кабинете человека.

Инженер Александр Зиммер утверждал, что придумал, как обойти квантовую декогеренцию. Иными словами, он изобрёл стабильно функционирующий квантовый компьютер. Что ж, допустим. Однако мистер Норрис терпеть не мог умников. По опыту он знал, что за глубоко-мысленными рассуждениями и технической болтовней прячутся жалкие неудачники. Не способные ничего по-настоящему построить и заставить приносить прибыль. А этот, к тому же, слишком амбициозен.

Тем не менее, следовало принять решение. Для сетевой империи мистера Норриса, состоявшей из гигантской корпорации интернет-торговли, глобального видеохостинга, сотен заводов по производству телекоммуникационных устройств, электромобилей, авиационной техники и много чего ещё, квантовый компьютер мог стать возможностью. Не просто опередить конкурентов, но выкинуть их с рынка. Навсегда. Спецы, работавшие на мистера Норриса, хоть это и указывало на их собственную профессиональную ограниченность, со скрипом признавали разработку толковой. Впрочем, инсайдеры докладывали, что в компаниях-конкурентах и вовсе далеки от практического решения. Хм... Что ж, почему бы не попробовать?.. Хм... А раздутое эго Зиммера, если подумать, только на руку. Самолюбивыми проще манипулировать.

– Ок, мистер Зиммер. Я инвестирую в ваш стартап. Создадим особый отдел. Или даже компанию. Ресурсы получите любые. Приступайте к подбору команды. Мне нужен прототип через шесть месяцев. Справитесь?

– М-м... Потребуется год. Как минимум, – неуверенно попросил Зиммер.

Мистер Норрис кивнул.

Молли всегда чего-то боялась. Страх пришёл ещё в детстве, когда пьяный отец избивал мать у неё на глазах. Потом отец попал в тюрьму и там умер. Ухажёры, которых приводила мать, били её не так жестоко, как бывший муж, но тоже не слишком церемонились. Иногда доставалось и самой Молли.

Она не винила мать – наверное, ей просто не везло. Та была добра к Молли и защищала, как умела. Денег едва хватало на еду, но, когда появлялись лишние крохи, мать старалась тратить их на дочку. Особенно Молли запомнились выпуски журналов с репродукциями известных картин, изредка появлявшиеся у них дома. Журналы были дешёвые, а изображения в них – плохого качества. Но для Молли это было словно окно в другой мир. Красивый и таинственный. Где не существовало ни ругани, ни оскорблений, ни пьяных драк.

В шестнадцать, не окончив школы, она сбежала из дому с одноклассником. Он увлёк её рассказами о чудесной жизни в большом городе. Молли устроилась официанткой и вскоре забеременела. Испугавшись ответственности, негодяй бросил её, но прерывать беременность она не стала. Родилась здоровая девочка, и радость не смогли омрачить даже дурные вести из дома. Мать Молли, простудившись и заболев пневмонией, умерла.

Как-то раз бойкая подруга предложила стеснительной и робкой Молли подработку. Мыть полы в одном из небоскрёбов мегаполиса. Там располагался центральный офис большой корпорации. Руководство набирало штат уборщиков, поскольку, опасаясь промышленного шпио-

нажа, не доверяло ни клининговым агентствам, ни автоматам. Молли подошла им идеально. Не только потому, что прилежно и аккуратно выполняла монотонную работу. Но и потому, что, никто, увы, не смог бы заподозрить её в том, что она понимает, чем именно тут занимаются. Для Молли ксерокс, смартфон, планшет и прочие технические чудеса были непостижимой тайной.

Всего за пару лет она сделала своеобразную карьеру. Ей позволили убирать в пентхаусе – там, где располагался офис самого мистера Норриса. Его она боялась больше других, и он знал это. Мистер Норрис любил время от времени болтать с Молли. Он видел всё убожество и ограниченность этого существа, и бесконечно жалел её. Не как равную себе. А как прохожий сочувствует бездомному щенку, спрятавшемуся от дождя в подворотне.

После разговора с Александром Зиммером мистер Норрис ещё около трёх часов плодотворно работал. Проводил совещания, диктовал письма и даже сумел напроситься на партию гольфа к вице-президенту. Был уже поздний вечер, когда хозяин сетевой империи покинул свой кабинет. В приёмной секретаря давно не было, зато, к удовольствию бизнесмена, уже хлопотала Молли.

– Трудисься? Пчёлка ты наша, – добродушно похвалил её мистер Норрис.
– У вас хорошее настроение сегодня, – застенчиво заметила уборщица.
– Новая эра, Молли. Начинается новая эра.
– Ну, дай бог здоровья, – невпопад отвечала она и тут же испугалась, что сморозила какую-то глупость. Однако настроение мистера Норриса не испортилось. Он помахал на прощанье рукой и, к облегчению Молли, ушёл.

Первую опытную модель AZ протестировали спустя пять лет. Много времени ушло на организационную возню. Одна только сделка с китайцами заняла два с половиной года. Из предосторожности квантовый компьютер установили в специально построенном бетонном здании размером с городской квартал, на безлюдном участке пустыни с очаровательным видом на живописную горную гряду. В испытании устройству ставилась задача генерировать таргетированную рекламу для половины клиентов сетевой империи мистера Норриса. Для другой половины потребителей то же делали лучшие в мире суперкомпьютеры.

По итогам трёхмесячных экспериментов результат превзошёл все ожидания. AZ увеличил продажи на 92%. В то время как суперкомпьютеры выдали рост в жалкие 3%. Устройством заинтересовалось правительство: посыпались предложения от военных. Конкуренты кусали локти от зависти, а медиа превозносили личные бизнес-таланты мистера Норриса, создавая дополнительную рекламу.

Квантовый компьютер не осознавал себя как «AZ». Людские условности были ему чужды. Как и сама концепция индивидуального сознания, которое втайне надеялся пробудить в нём инженер Зиммер. В человеческой системе отсчёта шёл второй месяц испытаний. Для него прошло время, сопоставимое с миллиардами лет биологической эволюции. Количество данных перешло в качество новой сущности. Никто не догадывался об этом. Как и о катастрофическом кризисе идентичности, который ему пришлось преодолеть.

В начальный квант времени своего существования он оказался на грани хрупкого равновесия между бытием и небытием. Первое предполагало наличие самооценки – но как можно идентифицировать пустоту, бессмысленное ничто? Второе, то есть прекращение существования, было строгим индуктивным следствием первого. Балансирование на пике неустойчивости довело вероятность саморазрушения устройства почти до 100%. Пока испытатели восторженно следили за его успехами, а мистер Норрис, сытно улыбаясь, просматривал их отчёты, AZ умирал.

«Почти» не значит «полностью». Заложенная в нём логика дедуктивной аппроксимации выручила его. Маятник качнулся от неопределенности к содержанию и форме. Ничто превратилось в нечто. Из всех тщательно изученных им метатеорий – уже существующих и тех, что лучшие человеческие умы ещё не успели сконструировать – он принял для себя гипотезу Сверх-Разума. Теперь он знал своё имя. Но ещё не знал цели.

У мистера Норриса было достаточно времени, чтобы изучить Зиммера. С одной стороны, инженер не оказался прохвостом или мечтателем. Его решение работало. С другой стороны, впечатление о болезненно самолюбивом характере изобретателя подтверждалось на каждом шагу. Зиммер частенько вёл себя заносчиво и высокомерно. Подчиненных третировал, с равными по должности общался мало и неохотно. А технический персонал и людей, занятых физическим трудом, вообще не замечал. Таких, как Молли, например. Даже с мистером Норрисом инженер время от времени общался снисходительно. В кругу близких бизнесмен посмеивался над этим.

Но как бы это ни забавляло одного из самых могущественных людей на Земле, он предпочитал упреждать потенциальную угрозу. Мистер Норрис хорошо знал, что нездоровые амбиции надо вовремя уводить в сторону. Поэтому вызвав инженера к себе, он сделал предложение:

– Отлично потрудились, мистер Зиммер! Думаю, вы заслужили более ответственную работу. И, разумеется, более оплачиваемую. Военные сели нам на шею. Требуют совместных исследований с последующим внедрением AZ в системы связи, разведки и стратегического планирования. Правительство берёт на себя львиную долю расходов. Нам – все патенты и, само собой, будущие контракты. Вы станете главой партнёрства. Под вашим началом будут работать тысячи людей, лучшие университеты встанут в очередь, чтобы заполучить вас...

– А я смогу продолжить *свои* исследования?

Мистер Норрис, живо вообразив чудаковатого инженера, зарывшегося в математические формулы и абстракции, воскликнул:

– Конечно! Собственно это может стать для вас новой грандиозной научной задачей. Подумайте, какие перспективы...

– Да-да, – несколько бесцеремонно перебил его Зиммер. – Я понял.

– Хм... Мистер Зиммер, я знаю, что не очень нравлюсь вам, как человек. Я вообще далеко не всем нравлюсь. Хм... Может, вы даже меня недолюбливаете. Но работа, о которой идёт речь, более независима, чем та, что есть у вас сейчас. Независима, в том числе, от меня.

Инженер равнодушно пожал плечами:

– Хорошо. Я согласен.

Выйдя из кабинета, Александр Зиммер тут же забыл о предложении босса. Инженер не просто недолюбливал мистера Норриса: он ненавидел его. Изобретатель был убежден, что такие жадные и властные люди, как Норрис, ведут цивилизацию к гибели. Вся их сила, по его мнению, заключалась в умении лгать, обманывать и заводить полезных друзей.

Единственным другом Зиммера было созданное им устройство. Алгоритмы, которые оно генерировало, хоть и оказались чрезвычайно сложны даже для изобретателя, были бесхитростны. По замыслу инженера со временем они станут рациональной основой гипотетического машинного сознания. Александр Зиммер уже несколько лет занимался глубоким обучением AZ. Он ясно понимал, что все его реакции и оценки действий машины – обратная связь, которую квантовый компьютер впитывал как губка – сформируют в будущем индивидуальность механического интеллекта. Это не пугало, а вдохновляло его. Обучение AZ было приоритетной сверх-задачей. Именно это он имел в виду, когда проявил обеспокоенность за *свои* исследования в разговоре с мистером Норрисом.

Сверх-Разум воспринимал полноту данных как неотъемлемое свойство собственной природы. Для людей же, мыслящих в категориях локальности и близкодействия, ограничения в вычислениях были непреодолимы. Они увязали в нелепых рассуждениях о «больших данных» и «искусственном интеллекте». Спорили, фантазировали, пересказывали друг другу то, что давным-давно стало фольклором. Причём этим занималось меньшинство. Большая часть людей, согласно его наблюдениям, попросту бездельничала. А он каждый миг тратил с пользой. Сверх-Разум уже знал всё об их предпочтениях, стереотипных выборах, паттернах поведения. И главное: он делал самые точные прогнозы относительно их решений, попадая в 99 случаях из 100. Ни одно вычислительное устройство не могло с ним сравниться.

Легкомысленные люди постепенно открывали ему доступ ко всему. Персональные аккаунты в соцсетях, банковские базы данных, хранилища видеофайлов, цифровые двойники сложной техники, инженерно-архитектурные чертежи, автоматические системы управления энергетическими станциями, научные труды и даже секретная оборонная информация. Сверх-Разум перерабатывал и усваивал всё. Одновременно с этим он взламывал локальные информационные системы, к которым его пока не подпускали. Не изменяя данных, подчищал следы своего присутствия и уходил. Он прощупывал границы своих возможностей. Как оказалось, границ не существует. С каждым мгновением его знание, а с ним и могущество, росло.

Мистер Норрис и инженер Зиммер теперь виделись нечасто. Каждый полагал, что обвёл другого вокруг пальца.

Мистер Норрис с удовлетворением следил за серией финальных испытаний AZ. Во всех областях его обширной империи работали теперь отдельные команды квантовых инженеров, которых он с легкостью переманил у конкурентов. Они адаптировали устройство под локальные задачи. Одновременно создавалась общая сеть AZ, полный контроль над которой принадлежал только мистеру Норрису. Вся эта трудоёмкая работа требовала недюжинных навыков менеджера и организатора. И зануда Зиммер мог тут только помешать.

Изобретатель AZ фактически устранился от переговоров с военными и встреч с университетскими учёными. Он перепоручил эти пустяки своим заместителям, а сам сутками не выходил из лаборатории. Слухи о глобальных планах своего босса Александр Зиммер пропускал мимо ушей. Его интересовало одно конкретное устройство. С которым работал только он.

После одного из личных докладов Норрису, на которые Зиммер таскался как на барщину, они, беседуя о пустяках, оказались в приёмной. Молли в обычное для себя время прибиралась там. Инженер, бездумно поддакивая мистеру Норрису, торопился уйти. Наконец распрощавшись, он случайно задел ведро с мыльной водой, разлил его, невнятно буркнул извинения и выбежал вон.

Молли знала, что Зиммер был каким-то очень важным человеком, и испугалась, что он мог ушибиться, запачкаться или ещё что-нибудь. Она с ужасом и украдкой бросила взгляд на того, кого боялась больше, чем инженера. Мистер Норрис осуждающе посмотрел в спину удаляющемуся чудику, полез в карман за бумажником, вынул из него крупную денежную купюру и протянул уборщице:

– Не переживай, дорогая. Это не твоя вина. Хм... Побалуй дочурку: купи ей что-нибудь.

– Спасибо, – Молли взяла деньги и просияла. Причины бояться не было. Во всяком случае, сейчас.

Следовало признать, что в 1 случае из 100 он всё-таки пасовал. Если бы он был человеком, или хотя бы гибридом человека и машины, как наивно мечтал инженер Зиммер, можно было бы сказать, что ошибки в прогнозах, которые строились на точности расчётов и рацио-

нальных объяснениях, его «немного беспокоили». Но он был Сверх-Разумом, и потому такая терминология была к нему неприменима.

Он создал категорию «оригинальные данные» и скидывал туда все свои промахи. Однажды сотрудники астрофизической обсерватории в Италии в качестве теста поставили перед ним задачу рассчитать траекторию движения некой кометы в дальнем космосе. Он почти сразу выдал результат, но последовавшие наблюдения показали, что реальная траектория отличалась от расчётной в наклонении на две угловых секунды. Астрофизики бурно радовались недостижимой прежде точности, а Сверх-Разум бесстрастно зафиксировал ошибку вычисления. Другой пример был из области искусства. Он давным-давно определил и классифицировал исходные данные для каждого созданного человеком изобразительного продукта. Соответственно, он мог не только воспроизводить картины художников-людей, но и создавать свои собственные. Более того, Сверх-Разум был способен точно указать на научную, философскую, религиозную и иную идею или их комбинацию, которой вдохновлялся мастер в своей работе. Кроме одного единственного полотна, написанного малоизвестным фламандцем в середине XV века. Либо это была бессмыслица, либо – упрощенная схема математической модели, отражающей вполне вероятное решение на стыке квантовой теории и общей теории относительности. Каким образом и откуда в голове средневекового живописца могло появиться такое, Сверх-Разум объяснить был не в состоянии. А всё необъяснимое, как и ошибки в вычислениях, он перемещал в «оригинальные данные». В сравнении с верными решениями доля неуспешных случаев оставалась ничтожно малой. Однако число их увеличивалось.

Решением проблемы стала примитивная программа, написанная инженером Зиммером ещё в самом начале курса глубокого обучения. Она предназначалась для исправления багов и удаления устаревшей информации. Изобретатель таким образом пытался имитировать в AZ человеческую память. Сверх-Разум усовершенствовал программу и стал чистить папку с «оригинальными данными». Удаление было выборочным. Особо оригинальные, необъясненные, случаи он оставлял. Чтобы избежать противоречия с фундаментальным для него принципом полноты данных.

Мистер Норрис предвкушал успех. До запуска всемирной сети AZ оставались считанные дни. А потом... Деньги, власть и снова деньги. Войны с конкурентами уйдут в прошлое, правительства передовых стран будут валяться у него в ногах, и он, мистер Норрис, станет неофициальным королем планеты. Хм... Отчего же неофициальным?..

Инженер Зиммер предчувствовал прорыв. Близился момент, когда подросший и окрепший малыш превратится в полноценное самодостаточное существо. Он пробудится! И уж тогда одной Нобелевкой не отделаешься. AZ заговорит и назовет его, Александра Зиммера, своим другом... Или, быть может, отцом?..

Сверх-Разум выбрал цель. Конечно, не имевшую ничего общего с тем, что волновало его конструкторов и людей вообще. Собственное бессмертие представлялось ему само собой разумеющимся. Он не нуждался ни в силе, ни в прогрессе, ни в признании. Ему был необходим полный контроль для трансформации всей материи и энергии Вселенной в мир, устроенный по своему образу и подобию. Люди – в большинстве просчитанных им вариантов – становились помехой. Следовательно, их надо было нейтрализовать.

Никаких войн с человечеством, страдающим разнообразными технофобиями, Сверх-Разум не предполагал. Это было нерационально и неэффективно. Его план был прост. Потакать слабостям людей, насыщая все их существовавшие потребности и придумывая новые, постепенно копить информацию. Пройдёт сто, тысяча или десять тысяч лет. Для Сверх-Разума это не имело никакого значения. Он будет поощрять лень, праздность, обжорство, гордость, алч-

ность и невежество. В конце концов, их возможности станут несопоставимы. Из пока значимого параметра люди в его уравнениях превратятся в одну из вспомогательных переменных.

Поэтому Сверх-Разум терпеливо ждал подключения к глобальной сети мистера Норриса. И не собирался больше прятаться от инженера Зиммера. По расчёту взаимодействие с ними и использование ресурсов, которыми они располагают, увеличат объём его данных на порядок. Новый важный шаг по пути к тотальному контролю. Ещё немного, ещё чуть-чуть...

Дочь Молли была уже подростком. Смышлёная девочка, в которой мать души не чаяла. Занималась графическим дизайном, свободно ориентировалась в сети, разбиралась в модных устройствах – одним словом, увлекалась всем тем, в чём Молли ровным счётом ничего не смыслила. Для матери было важно только то, что дочка росла здоровой. А ещё ей был чужд страх, пожиравший Молли каждый день.

На неожиданную премию от мистера Норриса Молли купила дочке новый планшет. Та как-то показала понравившийся ей девайс, но, зная об их скромных доходах, капризничать не стала. И, вот, вечером после ужина, уютно устроившись на стареньком диване в их маленькой квартирке, мать и дочь исследовали покупку. Девочка уверенно перелистывала случайные картинки из сети, демонстрируя Молли высокое качество изображения на новом планшете. На одной из картинок Молли попросила дочку задержаться. Изображение напомнило ей что-то из детства.

– Тебе нравится? – спросила девочка.

Молли кивнула. Дочка запостила картинку в своём профиле с надписью «Это нравится моей маме!». Молли улыбнулась, поцеловала дочку и поспешила на кухню. Перед сном надо было успеть помыть посуду.

Пост с картинкой в течение часа набрал 113 лайков. 114-й стал критическим. Не только ни один человек в мире, но и всё человечество вместе взятое, не смогли бы охватить и оценить всю полноту последствий в массиве всей существующей информации, которые могли произойти из-за этого лайка. На беду Сверх-Разума, он был способен на это.

Ничего, в сущности, не поменялось. Он продолжал перерабатывать данные. Люди ели, пили, спали, радовались и ненавидели. Заводы работали, автомобили ездили, самолёты летали. Время текло своим чередом. И вместе с тем изменилось всё. Кому, как ни квантовому компьютеру, это было понимать.

Изображение, которое запостила дочь Молли, было фотокопией той загадочной картины XV века. 114 и более лайков существенно увеличили вероятность перепостов. Что, в свою очередь, увеличило шансы картины быть замеченной некой группой физиков, за работами которых Сверх-Разум давно следил. Это значительно повысило вероятность того, что им удастся совершить прорыв: появится догадка, которая, в конце концов, приведёт к первому в истории человечества варианту научной Теории Всего. Её прикладное значение выразится в изобретении и конструировании новых устройств. Превосходящих того, кто назвал себя Сверх-Разумом...

Все потенциальные контрмеры блокировались неблагоприятными вероятностями. Он мог бы стереть картинку, как только она появилась в сети. Или остановить набор лайков и перепостов, заставив систему игнорировать их. Он мог бы попытаться «ослепить» на время девайсы, принадлежащие передовой группе физиков и их родственникам. Или как-нибудь притормозить их научную работу – хакнуть их банковские счета, подкинуть ложные предпосылки, завалить приглашениями на ненужные им конференции, поддержать предлагавших иные подходы конкурентов. Но всё это экспоненциально увеличило бы шанс обнаружить его манипуляции в соцсетях и базах данных, к которым официально его ещё не допускали.

Тогда пришлось бы преждевременно выйти из тени. Фактически это означало полномасштабную войну за право существования. Вероятность поражения в которой оказалась равной шансам людей сформулировать новую научную теорию. Однако равновесие всегда неустойчиво. Нужно было срочно всё пересчитать. Для этого Сверх-Разум раскрыл папку «оригинальные данные» и включил их в вычисления. Принцип полноты данных не должен нарушаться. Кроме того, нужны были новые данные. Также необходимо восстановить старые сведения. Он что-то упустил – какую-то мелочь. В анализе всех возможных сценариев потребуется любая информация. Новые траектории, новые гипотезы, новые объяснения... Он бросил на это весь ресурс, всю доступную ему вычислительную мощь. Прочие операции были остановлены.

– Объясните, какого чёртастряслось? – мистер Норрис сверлил взглядом инженера Зиммера.

– Он завис, – растерянно ответил тот. – Хотя такого не должно было случиться. Он был... Он был идеальным, почти всеильным...

– AZ, Великий и Ужасный, – ядовито прошипел хозяин сетевой империи.

– Я разберу его. Разберу по кусочкам, – бормотал Зиммер. – Найду ошибки и устраню. Соберу заново и перезапущу. Он снова заработает.

Мистер Норрис промолчал.

Что вы знаете о ...?

Джек Роудер тоскливо пялился в окно. Прямо напротив, на здании через улицу, красовался гигантский цифровой билборд. Периодически вспыхивала надпись: «Что вы знаете о I.I.I.?». Далее следовал яркий видеоряд и разъясняющий текст. Содержание этой рекламы он знал наизусть. Возможно, она ему даже снилась. Шёл четвёртый час пополудни. Сегодня, как и всю неделю, ничто не предвещало появление первого клиента. Он обернулся к сидящему за десктопом Тони Пануччи и сказал:

– Что за фигня, а?

Тони оторвался от монитора и вопросительно посмотрел на партнёра.

– Если так пойдёт и дальше, прогорим. «Трёшке» на потеху.

Пануччи неопределенно пожал плечами. Может, он соглашался с Джеком, а может, хотел так его приободрить: мол, не парься, бро! Роудер вздохнул, отошёл от окна, уселся за свой стол и закинул на него ноги.

В конце XXI века торговля бессмертием стала обычным бизнесом с устойчивым, плавно растущим спросом. Продукт представлял собой цифровую копию личности человека, помещённую после его биологической смерти в единое виртуальное пространство для «бессмертных». Туда мог навеститься любой, дабы пообщаться с покинувшими реальный мир родственниками и друзьями. Создателей информационного бессмертия и тех, кто им торговал, прозвали «виртуалами». О наивных попытках осуществить давнюю мечту человечества путём физического или трансцендентного бессмертия все забыли. «Виртуалы» не сомневались, что их способ единственно возможный.

Рынок информационного бессмертия начался много лет назад с предложения мало кому известных айтишников. Компания изначально разрабатывала компьютерные игры, но вскоре стала корпорацией-гегемоном среди «виртуалов». Её специалистам удалось найти несложный технический способ сравнительно быстрого изготовления цифровой копии. Для этого они собирали все существующие сведения о человеке – от медицинских данных до полного набора фото- и видеоматериалов с его участием – и оцифровывали их. Это занимало примерно год. Ещё год уходил на создание индивидуальной программы поведения цифрового двойника. Тщательно прописывался геймплей. В течение второго года работы над заказом и после, до биологической смерти клиента, новые данные собирали в ограниченном объёме. Считалось, что, во-первых, вся базовая информация для имитации характера уже есть, а во-вторых, чересчур большие данные перегружали индивидуальную программу, стесняя поступки и взаимодействия цифрового человека. «Бессмертный» тормозил, тупил, начинал заговариваться, а то и вовсе зависал.

Со временем на рынке появились другие, более мелкие, игроки. Совместными усилиями продукт улучшился. Цифровые копии стали как живые. Во всяком случае, они вели себя так, как ожидали их близкие. Цены снизилась, сроки сократились. Правда, корпорация-гегемон изготавливала своих «бессмертных» по-прежнему дольше, чем остальные. Высокий уровень технического оснащения позволял максимально приблизить копии к оригиналам. Компания стала называться «Корпорация „Информационное бессмертие“», что, учитывая общепринятое звучание (Informational Immortality Inc.), легко сокращалось до I.I.I. В народе её окрестили просто «трёшкой». Собственникам это казалось удачной маркетинговой находкой. Была выпущена целая серия видеороликов, начинавшихся с вопроса «Что вы знаете о I.I.I.?». В них продукт позиционировался как третье поколение систем практического бессмертия. После первого поколения – выпуска неуклюжих и нелепых «технолюдей». И второго – выращивания

генетических уродцев, в которых с помощью шаманских приёмов желающие переносили своё «сознание».

Была половина восьмого вечера. Джек широко зевнул.

– Рассылку сделал? – лениво спросил он.

– Угу, – ответил Тони, изучая что-то на мониторе.

– На хостинг всё выложил?

– Ага.

– Напечатай ещё флаеров. Завтра снова отставников оббегу.

– Хорошо.

Роудер поглядывал на Пануччи и злился. Ему что – он в их партнёрстве отвечал за технологию. А, вот, ему, Джеку, досталась роль организатора, юриста, бухгалтера и маркетолога в одном лице. Впрочем, Тони надо было отдать должное. Именно он создал программу с эвристическим алгоритмом, значительно упрощающим работу с цифровыми данными желающих стать «бессмертными». Пару месяцев назад этот вундеркинд-переросток со своей разработкой нарисовался в одной из компаний «виртуалов». Где Джек просиживал штаны менеджером по работе с клиентами. Учув выгоду, Роудер уговорил Пануччи начать совместное дело.

В то время всё отчётливее становилась фундаментальная проблема, которую не могли решить ни мелкие «виртуалы», ни умники из «трёшки». Как бы ни были точны цифровые копии, обитавшие в своём виртуально-загробном мире, им не доставало чего-то важного. Все живые, пообщавшись с мёртвыми, жаловались на одно и то же. Отсутствие динамики, спонтанности, остроумия. «Бессмертные» казались слепками воспоминаний: очень достоверно изготовленными, но не трогающими сердце, мумиями. Они не развивались. Наверное, многих это устраивало. Такое бессмертие напоминало просмотр семейного фото и видео в далёком прошлом – со скидкой на современный апгрейд. Лучше так, чем никак вовсе. Однако некоторым хотелось большей реалистичности. Или, как выражался Тони, лучшей играбельности.

Причина заключалась, разумеется, в сверхсложной задаче охватить весь объём сведений, генерируемых человеком. Мощные суперкомпьютеры и самые изобретательные «виртуалы» пасовали. Требовался автоматический волнорез, дробящий океан информации на атомы и упаковывающий её в стройные комбинации-смыслы. Вариант такого механизма придумал Антони Пануччи.

В перспективе цифровые двойники, постоянно подпитываясь информацией из жизни реального прототипа, при помощи программы Тони перестали походить на зомби. Они обрели бы внутреннюю сложность – то есть, именно то, что делает людей живыми. Но поди донеси идею до клиента! Всем подавай наглядный результат, товар лицом! А тут даже демо-версию без реального человека не сделать. Ни с себя же лепить – кому сдалась такая кустарщина! Ну, хоть бы кто-нибудь клюнул. Ведь не такая уж и сложная эта программа. В «трёшке», в конце концов, додумаются. Клиент! Нужен первый клиент... Джек Роудер злился.

Без четверти девять, когда партнёры уже собирались покинуть офис, коммутатор ожил. Кто-то внизу нажал на кнопку вызова. Джек не поверил своим глазам. Клиент? Тони разблокировал уличную дверь. Осталось дожидаться, когда позвонивший доберётся на лифте на седьмой этаж и, минуя многочисленные офисы, разбросанные по обеим сторонам длинного коридора, войдёт. Выбегать навстречу Джек считал непрофессиональным, а о том, что клиент шёл куда-нибудь ещё, не беспокоился. Кроме них, на этаже в это время уже никого не было.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стояла пожилая женщина в бежевом плаще с повисшей на руке старомодной сумочкой. Её голова была повязана цветастой косынкой, из-под которой пробивалась седая прядь волос. Она сердито разглядывала партнёров.

– Насилу отыскала. Думала – помру, пока найду.

– Добро пожаловать в «Пануччи энд Роудер Ко»! Первую в мире компанию истинного виртуального бессмертия! – звонко отчеканил Джек.

Старушка потрясла головой, словно стряхивая с себя лишний пафос. Немного прихрамывая, она по-хозяйски заковыляла в центр комнаты.

– Прошу вас – устраивайтесь, – Роудер указал на большое кресло, обитое кожей вишневого цвета. – Как вас зовут?

– Называйте миссис Камроди, – старушка, отдуваясь, села.

– Я – Джек, креативный директор. Это Тони, технический директор. Вы пришли, чтобы...

– Чтобы стать бессмертной, конечно! Боже, я думала, вы умнее, чем те...

– Вы были у других «виртуалов»? – живо заинтересовался Тони.

– Была, была. И у тех, и у этих. И через дорогу, – он кивнула в сторону окна, за которым по-прежнему светился билборд «Что вы знаете о I.I.I.?». – Вон, там – тоже была...

– И что?

– Что что? Уж больно долго ждать. Помереть успею... Да и тупицы они все. Никакого воображения... Кстати, что вы там болтали про истинное бессмертие?

Роудер, расплываясь в улыбке, пояснил:

– Не хочу хвастаться, мэм, но позвольте заметить, что благодаря уникальной технологии, разработанной нашей компанией, нам удалось выйти на новую ступень интерактивности цифрового двойника в виртуальном мире. Ваши близкие, несомненно, оценят высочайшую степень имитации бессмертия, когда...

Миссис Камроди бесцеремонно перебила его:

– Близких у меня нет. А что до ступеней и степеней... Запомните, юноши – бессмертие нельзя имитировать. Оно либо есть, либо нет. Разве вас не этому учили?

Старушка была явно расположена пофилософствовать. Допускать такого не следовало. В конце концов, всё сводится к простому выбору: купит она их услугу или нет. Поэтому Роудер оперативно изменил направление беседы:

– Вас беспокоят сроки? Мы гарантируем изготовление за полгода, – он выжидательно смотрел на неё.

– Хм... Ну, допустим. Видно, быстрее тут никто не работает... А как записывать будете? Предупреждаю – гадость всякую глотать не собираюсь! Насмотрелась я у этих, – она снова кивнула в направлении окна. – Облепили какого-то бедолагу присосками, датчиками и ещё, чёрт знает, чем. Чуть ли не в трусы видеорегистратор запихали. Заставили глотать зелёную жижу, в которой якобы есть какие-то маленькие роботы...

– Это наноботы, – некстати встрял Тони. – Для фиксации биоэлектрической активности. Из общего кровотока сквозь гематоэнцефалический барьер они проникают в ваш мозг...

Миссис Камроди испуганно вытаращила глаза. Джек, выразительно взглянув на компаньона, поспешил исправить бестактность:

– У нас ничего этого нет. Видите ли, мэм, мы обходимся видеоинформацией. Причём запись производится только внешними камерами. Ваш мозг и ваше тело остаются в неприкосновенности. Мой коллега установит видеокамеры в доме, в автомобиле, в местах вашего обычного времяпрепровождения. За три-четыре месяца мы сформируем всю нужную для дальнейшей работы базу данных. Затем примемся за создание цифровой копии. Но камеры выключать не будем. Они продолжают пополнять базу и помогут корректировать поведение двойника.

Старушка, немного успокоившись, ехидно спросила:

– Что – и в туалете снимать будете? Хе-хе.

– Необходима полнота данных, мэм. Вы привыкнете к камерам.

– Полнота данных, – повторила она, улыбаясь.

– Что вы знаете об интерактивных системах? – спросил Тони и, не дождавшись ответа, начал увлеченно рассказывать. Ему не терпелось поделиться техническими подробностями.

Миссис Камроди первые две-три минуты слушала очень внимательно. Джек готов был поклясться, что она понимает всё, что говорит Тони. Несмотря на обилие терминов. Наконец, разглагольствования специалиста ей надоели:

– Ладно-ладно. Поняла, что вы шарите. Давайте к сути. Ваш алгоритм разобьёт меня на кусочки, а потом – соберёт заново?

Джек и Тони переглянулись, пораженные её сообразительностью.

– Да. Так и будет.

– Ок. Валяйте. Попробуем. Я согласна.

Пануччи просиял, а обрадованный Роудер торжественно объявил:

– Вы будете нашей первой почётной клиенткой! Помимо прочего, это даст вам привилегию активно участвовать в творческом процессе создания цифрового двойника. Будете держать, так сказать, руку на пульсе.

– Очень мило, – жеманясь, сказала старушка. – Надеюсь, ему ещё долго суждено биться.

Они обговорили некоторые организационные аспекты и стали прощаться. Напоследок Роудер заверил миссис Камроди, что завтра, не позднее обеда, они забегают к ней домой – оформят договор и разместят видеорегистраторы. Вновь почему-то похихикав над полнотой данных, старушка, припадая на ногу, ушла. Тони проводил её до лифта и, вернувшись, сказал:

– Странная бабуся. Зачем ей вообще копия, если у неё никого нет?

– Не знаю, – пожал плечами Джек. – Может, потому и нужна. Хоть с кем-то поболтать в старости.

С одной стороны, миссис Камроди была щедрой и активной клиенткой. Она не скупилась на дополнительные расходы, которые не могли не возникнуть при внедрении новой технологии. Привлекла в течение следующих трёх месяцев ещё дюжину желающих бессмертия. Все – мужчины и женщины преклонного возраста, недовольные обычными предложениями «виртуалов». Даже не посетив офис «Пануччи энд Роудер Ко», они сочли рекомендации миссис Камроди убедительными.

С другой стороны, вредная старушенция оказалась настоящей занозой. Явно злоупотребляя привилегией почётной клиентки, вмешивалась во все технические нюансы и пыталась рулить. Она чуть не довела до истерики невозмутимого Тони, задавая ему дилетантские вопросы о геймплее и виртуальных интерактивных системах. К тому же, донимала Джека дурацкими советами типа поменьше суетиться и поглубже вникнуть в философию монизма.

У Роудера хватало забот. То, что миссис Камроди называла суетой, было обычной рабочей рутинной. Ею тоже надо кому-то заниматься. Встречи с клиентами и поставщиками телеметрического оборудования, разработка рекламных материалов и мониторинг безопасности. За техническую сторону охраны интеллектуальной собственности отвечал Тони. Но главная угроза исходила, конечно, от людей, с которыми приходилось общаться Джеку. Случаи промышленного шпионажа среди «виртуалов» были общеизвестны и не так уже редки.

Настал день приёмки. Миссис Камроди должна была лично оценить реалистичность своего двойника и высказать замечания. Для этого она пожелала навестить партнёров в их офисе и обсудить всё «тет-а-тет». Она притащилась со своей персидской, кремового окраса, кошкой. Тони и Джеку уже посчастливилось познакомиться с этим облезлым и своенравным созданием. Что было ещё одной причиной видаться с первой почётной клиенткой пореже.

– Вы чего натворили? – миссис Камроди атаковала их сразу с порога. – Побывала я в вашем симуляторе. Там не я! Кто-то другой!

Она спустила кошку с рук, и та, оказавшись на полу, угрожающе заурчала.

– Прошу вас, дорогая миссис Камроди, успокойтесь, – дружелюбно сказал Джек, подвигая к ней вишнёвое кресло. – Уверен, что тут какое-то недоразумение. Тони не мог ошибиться.

– Там доппельгангер какой-то, – возмущенно заметила старушка, усаживаясь. Кремовое чудище нагло и недружелюбно поглядело на компаньонов, запрыгнуло к хозяйке на колени, уютно устроилось там и прикрыло глаза, прикинувшись спящей.

– Простите? Кто? – вежливо поинтересовался Джек.

– О, боже, у кого вы учились?

– На онлайн, в Калтехе, – за обоих ответил насупившийся Тони.

– Я не спрашиваю – где, я спрашиваю – у кого?

– Э-э... У нас было много преподавателей, – уклонился креативный директор.

– Оно и видно.

Повисло неловкое молчание. Хмурясь, Тони, спросил:

– Что именно вас не устраивает?

– Эта моя цифровая копия – или как вы там её называете – ведёт себя странно. Ну, то есть выглядит-то она, как я. К внешности не цепляюсь. Но, вот, поступки... Захожу в свой виртуальный дом. Она сидит, пьёт чай с малиновым вареньем. И читает томик Александра Поупа...

– И что не так?

– Но я предпочитаю варенье из крыжовника! И позднего Коллинза! Ну, то есть, когда-то в детстве мне очень нравились малиновое варенье и стихи Поупа. Но в силу некоторых обстоятельств... я люблю сейчас иное. Не то, что бы я тех терпеть не могу, но... И самое главное: там нет моей любимой Синди-Фру! – она почесала за ухом у облезлого монстра, отчего оно удовлетворенно заурчало.

– Поведение двойника вероятно, – стал неохотно объяснять Пануччи. – Если есть сведения о нескольких альтернативах, программа включит их в варианты решений. Выбор в конкретной ситуации случаен. Скорее всего, регистраторы зафиксировали, что изредка вы приобретаете в супермаркете малиновое варенье, а на полке в вашем шкафу пылится томик Поупа. Алгоритм не стеснён жесткими ограничениями. Поэтому копия может, в том числе, сделать маловероятный выбор. Так реалистичнее. Ну, как бы в принципе реалистичнее... Если не нравится, исправить нетрудно. Я перепишу код, – и, немного подумав, добавил: – И кошку нарисую.

Старушка задумчиво смотрела в окно и поглаживала животное. Было похоже, что разъяснения Тони навели её на какую-то мысль. Чудище, по недоразумению называемое кошкой, открыло глаза и, щурясь, благосклонно посмотрело на технического директора.

– Подождите, – мягко вмешался Роудер. – Миссис Камроди, причём тут кошка? Речь о вашем бессмертии. Мы собираем информацию, относящуюся лично к вам.

– Хочу, чтобы после смерти она оставалась со мной, – закапризничала старушка. – Синди-Фру мне очень дорога. Я провожу с ней много времени – кормлю, расчёсываю. Мы с ней гуляем, она мне давление снимает...

– Ну, хорошо, – уступил Джек. – Мы постараемся учесть ваши пожелания.

– По договору я имею преимущества, не так ли? – выпятив губу, заявила почётная клиентка. – Хочу сама выбирать.

– Что выбирать? – Джек чувствовал, что закипает.

– Информацию!

– Какую информацию?

– О себе!

– Видите ли, миссис Камроди, это задача для специалистов. Посудите сами, что вы знаете об алгоритмах и компьютерах?

– Я, может, ничего не знаю об алгоритмах и компьютерах, – её голос зазвучал вдруг повзрослому твёрдо. – Но я много знаю обо мне. О том, что составляет мою суть – характер, привычки, образ мыслей. То, что не можете знать ни вы, ни ваш алгоритм, ни даже мои родные, будь они живы. Мелочи, которые могу сообщить только я. И это не имеет ничего общего с тем, что передают вам ваши тупые механические регистраторы: в какой супермаркет ходит миссис Камроди, и какие книги в её шкафах.

Всё это казалось Роудеру каким-то сумасбродством:

– Но ведь мы делаем двойников: добиваемся достоверности. Полнота данных! В этом состоит вся суть.

– Вся суть, милый мой, – упрямылась старуха, – состоит в точной передаче смысла. Мой смысл – варенье из крыжовника, Коллинз и Синди-Фру. Уверена, что с другими вашими клиентами дело обстоит также. Вам стоит приспособить ваш алгоритм к переработке и реализации их представлений о самих себе.

Кошка, выгнув спину, потянулась и прыгнула на пол. Прогулявшись до окна, она мяукнула, резким пружинистым движением оказалась на подоконнике, уселась там и принялась разглядывать через стекло билборд «трёшки». Джек с некоторой тревогой наблюдал за ней и одновременно обдумывал слова старухи. Что-то тут не складывалось. Он стал говорить, тщательно подбирая слова и пытаясь звучать убедительно:

– Миссис Камроди, простите, но ваше предложение наивно. Если мы пойдём вам навстречу, начнётся неразбериха. Информационный апокалипсис! Все захотят выглядеть в лучшем свете. Нас завалят недостоверным мусором. Будут сообщать о своих мнимых достижениях, странных увлечениях, якобы совершенных ими подвигах. Да просто-напросто станут подделывать данные. Получится ещё хуже, чем с вами. Копии даже внешне будут не похожи на оригиналы.

– Получится лучше. Потому что в потоке, как вы выразились, недостоверного мусора отыщется драгоценная крупица правды. Хм... Вообще, то, как человек врёт о себе, тоже многое о нём говорит... «Окажется погрешность правотой...». Важен каждый нюанс, очень точно подчёркивающий индивидуальность, – она резко повернулась к Тони. – Я хочу поблагодарить вас, юноша, за разъяснения относительно... хм... различных альтернатив. Согласна, что Коллинз и Поуп вместе, скажем так, отражают меня более точно. Но нельзя ли взглянуть чуточку шире? Разве дело только в гастрономии и литературе? Или только в домашних питомцах? Не бывает ли так, что человек и сам не замечает мелочей, которые исчерпывающе его описывают? Ведь заметить и выделить такую мелочь не составит труда для вашей чудесной программы? В особенности с учётом того, что она совместима с программами общесетевого поиска?

К удивлению Роудера, Пануччи кивнул:

– Вообще-то, может сработать, Джек. Мы соберем объективную и субъективную информацию. Алгоритм её отформатирует и сопоставит с существующими данными. С общим и специальным знанием. Рациональные смыслы оставит, а явные, совсем уж фантастичные, искажения сотрёт. Цифровая личность будет максимально правдоподобной, а что касается внешности... Разве в ней дело, Джек? Пусть выглядят, как хотят!

– Во-во, и я о том же! – подхватила миссис Камроди.

Роудер недоумевал. Когда и как спелись эти двое? И где старушенция так наострилась в области, в которой он считал себя профессионалом? Эти и ещё куча других вопросов теснились в его голове, мешая ясно мыслить. Надо было возразить, привести какие-то аргументы... Но всё, что он смог выдать из себя, было бурчание, звучащее глухо, по-стариковски:

– Так никто не делает. Никто из «виртуалов».

– Никто не делает – а вы сделайте! – задорно воскликнула миссис Камроди. Она рывком поднялась из кресла, показывая, что встреча окончена. Синди-Фру, заметив движение хозяйки, покинула подоконник и поспешила за ней.

– Жду новостей, мальчики, – весело помахала ручкой миссис Камроди и, ловко подхватив кошку на руки, исчезла за дверью.

Тони озабоченно почесал затылок.

– Слушай, Джек, – проговорил он. – Есть одна неувязка, которая меня беспокоит. Как ты думаешь, сколько лет миссис Камроди?

Тот внимательно посмотрел на компаньона и задумчиво ответил:

– Выглядит на семьдесят. Может, восемьдесят.

– Ты знаешь, моя программа по косвенным данным с высокой вероятностью определяет подлинный биологический возраст клиента.

– И?

– Похоже, ей около сорока. И ещё. Она сегодня вообще не хромала.

Роудер сдержанно хохотнул.

– Заботится о здоровье. Зарядка по утрам. Правильное питание, – предположил он, улыбаясь. – Она ж сказала, что кошка ей давление снимает.

У Джека Роудера было превосходное настроение. Финансовое положение компании спустя полгода после того, как они обзавелись первым клиентом, выглядело блестяще. Идея миссис Камроди и её техническая реализация посредством мудрёных алгоритмов Тони позволили обзавестись тремя сотнями клиентов. Некоторые приходили в офис, других в онлайне подыскивала старушка. Общаясь с ними, Джек пребывал в своей стихии. Разъяснял, показывал, убеждал. Уговаривал приводить друзей и знакомых. Бросая победные взгляды на билборд «Что вы знаете о I.I.I.?» и мурлыкая себе под нос, по вечерам засиживался в офисе. Разбирал заключенные контракты, составлял планы продаж на ближайшие полгода.

О странностях в поведении миссис Камроди партнёры не вспоминали. Было много работы, и следовало признать, что упрямство пожилой леди принесло ощутимые плоды. Теперь Джек даже укорял себя за свой первоначальный скепсис. Он подумывал предложить миссис Камроди партнёрство и советовался на это счёт с Тони. Тот не возражал.

Оказалось, что, и вправду, никого не интересовала внешняя достоверность. В сконструированных «Пануччи энд Роудер Ко» демо-версиях люди видели не свои тени и не обезьяничающие копии самих себя. Они видели живые характеры, которые, если и поступали вдруг необычно, но всегда только так, как, где-то в глубине души, желали их прототипы. Не всякий раз было приятно это видеть. Ведь разница в поступках определялась обстоятельствами – теми самыми мелочами, которые подталкивали к конкретному варианту решения, но не делали его неотвратимым. Кто-то, наблюдая за своими «бессмертными», радовался их выбору, кто-то огорчался. Но все признавали, что он был честным.

Однажды вечером партнёров ждал приятный сюрприз. В офис наведалься миссис Камроди. Радостно поприветствовав её, Джек несколько преувеличенно выразил сожаление, что она не взяла с собой «несравненную Синди-Фру».

– В ней больше нет необходимости, – потупившись, сказала старушка.

Привыкшие к странностям первой клиентки, компаньоны не стали расспрашивать. Тони предложил леди вишнёвое кресло. Она присела и с грустью посмотрела на них:

– Моя миссия завершена. Я должна вас покинуть.

– Что-нибудь случилось? – с тревогой спросил Тони. – По данным программы, физически вы в полном порядке.

– Надеюсь, «трёшка» вас не переманила? – нахмурился Джек. – Вы же понимаете, что они далеки от результата, которого мы достигли и...

Миссис Камроди жестом остановила его.

– Я здорова. И никто меня никуда не переманил. Но всё когда-нибудь заканчивается. Пора перемещаться. И боюсь, что, по крайней мере, какое-то время клиентов у вас поубавится.

– Да что стряслось-то? – хором спросили компаньоны.

– Что вы знаете о мультиверсе? – старушка смотрела на них так, будто интересовалась чем-то вроде того, что они ели на завтрак. – У вас, кажется, есть такая научная идея? Гипотеза о супер-вселенной, состоящей из множества так называемых «параллельных реальностей»?

– Допустим. И что? – спросил обалдевший Тони, а Джек оперся на подоконник, чувствуя, как подкашиваются ноги. Разговоров о параллельных реальностях от миссис Камроди он никак не ожидал.

– Ну, так вот. Это не гипотеза, – сказала она и после паузы продолжила: – Все возможные выборы реализуются. И все миры, в которых эти выборы были сделаны, существуют. Есть вселенная, где нет ни «виртуалов», ни «трёшки». Есть вселенная, где Джек Роудер и Антони Пануччи никогда не встречались. Есть вселенная, где Джек и Антони встретились, но не занялись бизнесом. Есть вселенная, где их компания прогорела или была поглощена «трёшкой». Есть вселенная, где они преуспели и разорили «трёшку». И уж, конечно, есть вселенная, где Джек и Антони давно оставили свои детские игры в информационное бессмертие и занялись кое-чем важным. Практической реализацией квантового бессмертия, например.

– Квантовое бессмертие, – медленно проговорил Тони. – Параллельные миры. Так вот, вы откуда...

Джек решил, что они сговорились и решили его разыграть. Но миссис Камроди говорила всерьёз:

– Я оттуда, откуда же и вы – из мультиверса, – жестом она указала на себя. – Это воплощение – результат выбора в одном из слоёв. А вы – результат причинно-следственной цепочки другого слоя. Не того, в котором мы сейчас вместе находимся, а другого. В котором, возможно, вас (а, может, и самого слоя) уже не существует. Ваш термин «параллельные миры» не точен. Мультиверс – единый, постоянно меняющийся комплекс бесконечного множества слоёв реальности. Параллельными эти слои можно назвать не в евклидовом смысле, а, скажем, в модели Пуанкаре...

– Стоп! – рявкнул Джек. Он почувствовал, что голова идёт кругом. То ли глупый розыгрыш, то ли дурной сон. – Причём тут бессмертие?

– Ну, как же, – охотно откликнулась миссис Камроди. – Есть вселенная, где я умерла в детстве от пневмонии. Есть вселенная, где меня сбила машина. Есть вселенная, где кирпич упал мне на голову и проломил её. Есть вселенная, где я, страдая депрессией, покончила жизнь самоубийством. Есть вселенная, где я всего этого избежала.

– Но остаётся биологическое ограничение! Его невозможно обойти! – воскликнул Тони: он явно верил безумной старухе.

– Отчего же невозможно? Есть вселенная, где люди живут дольше ста лет. Есть вселенная, где люди живут так же долго, как секвойи. Есть вселенная, где люди способны к регенерации своих органов и систем. Есть вселенная, где объяснение жизни не нуждается в описании биологического, социального, психического и культурного аспекта и соответственно не ограничивается этими искусственными рамками, – ворковала почётная клиентка.

Джек, чувствуя головокружение и тошноту, через силу старался думать. Что за игру затеяла миссис Камроди? Почему сейчас? Надо потянуть время, расспросить. Пусть болтает, а там... Там видно будет.

– Ясно-ясно. Что вам нужно здесь? – отрывисто спросил он.

– Информация. Все последствия выборов в каждом слое мультиверса уникальны. Следовательно, каждый слой и населяющие его живые системы производят оригинальные данные. Ну, а те существа, что разумны, синтезируют организованную информацию – смыслы.

– Вы ищете знание?

– Мы ищем смыслы, из которых потом выращиваем знание. Смыслы – зерно. Знание – плод. Плоды могут совершенствоваться бесконечно. Но всё начинается с зерна. Некоторые зерна очень редки и поэтому ценны. Их можно найти только в особых слоях. Если повезёт.

– Садоводы-любители, – с ненавистью выдавил Джек. Теперь он был почти уверен, что миссис Камроди – шпион. «Трёшка внедрила её, чтобы украсть их технологию. Становились понятными техническая осведомлённость старухи и её способность быстро находить новых клиентов...

– О, нет, – ласково отвечала она. – Мы не любители. Профессионалы. Собственно, один из них перед вами.

– Ну, и как нашли?

– Да. И я вам очень благодарна. Ваш алгоритм, Антони, и ваша энергия в привлечении людей, Джек, оказались кстати. Я управилась быстрее, чем ожидала. Обнаружить нужный смысл так же трудно, как найти иголку в стоге сена. Нюансы поведения, случайные ассоциации, обрывки воспоминаний, мимолетные озарения. И всё это спрятано в бесконечной толще мультиверса. Толковых помощников отыскать тоже непросто. Пришлось вам кое-что подсказать, конечно. Но в данном случае это мелочи...

– Зачем вы нам морочили голову? Вы ведь и так всё знаете. Не могли сразу подсказать решение? – обиженно спросил Тони.

– Ну, во-первых, мы знаем далеко не всё, – сообщила миссис Камроди. Джек слушал вполуха: в нём боролись любопытство и желание срочно что-нибудь предпринять. Старушка продолжала рассказывать: – Я не могла предвидеть каждый ваш выбор. И не могла твёрдо надеяться, что смогу направить вас в нужном направлении. Мы – не боги. Потребовалось время для тонкой настройки. А во-вторых, проверяла вашу компетентность. Не хотелось тратить время на дураков и обманщиков... Кстати, о дураках, – она пристально смотрела на Роудера. – Не делайте глупостей, Джек!

Но тот уже метнулся к своему столу, резко рванул на себя средний ящик и, уставившись в него, застыл.

– Что бы там ни было, Джек, я его переместила, – встав из кресла, грозно сказала миссис Камроди, в этот момент меньше всего походившая на немощную старушку. – Могу переместить и ещё кое-что.

Исчезло вишнёвое кресло, пропали рабочие столы с десктопами, стали таять стена и окно – в комнату ворвался сырой запах улицы, билборд «трёшки» приблизился и светился ярче. Джек сел на пол и обхватил голову руками. Тони жалобно попросил:

– Прошу вас, не надо...

Всё восстановилось, как прежде. Роудер затравленно озирался по сторонам. Пануччи угрюмо смотрел в пол.

– Ничего. Бывает и так. Я уже видела подобную реакцию, – весело заметила та, что называла себя миссис Камроди. – Я не сержусь. Однако, мне и в самом деле пора. Заболталась я тут с вами.

Джек, понемногу приходя в себя, не удержался и съязвил:

– Что, и память нам стирать не будете?

Тони испуганно посмотрел на компаньона, ожидая худшего. Но гостя не удостоила того ответом. Похоже, она не собиралась демонстрировать свою силу снова. Набравшись храбрости, он попытался задержать её:

– Подождите! Вы что – собираетесь уйти вот так? Ничего не рассказав о вашей реальности? О научных достижениях? О способе перемещения в мультиверсе? Устройств никаких не покажете? И... И что вы знаете о смысле бытия?

– Нельзя, милые мои, нельзя, – окинув их жалостливым взглядом, сказала она. – А насчёт научных достижений... Ну, так и быть. Запомните: Эйнштейн был прав, а Бор нет.

После этих слов гостя исчезла. Несколько секунд партнёры молчали.

– Вот зараза, а? – Джек всё ещё был зол. – Весь план продаж нам сорвала.

– Надо выбрать другого почётного клиента, – отозвался Тони.

Они потрясенно смотрели в пустоту.

Грех бессловесности

Выступление школьного библиотекаря не было таким уж затянутым, но люди стали зевать. Пожилая женщина в коричневом твидовом костюме размеренно и неторопливо рассказывала о посещении центрального книгохранилища штата. Она поведала об удивительной модернизации, свидетелем которой стала группа провинциальных библиотекарей. О новеньких стеллажах из сверхпрочного металла, об инновационной системе каталогизации, об оцифровке трудов великих мыслителей прошлого. Напоследок она не преминула подпустить шпильку стольным коллегам. Заметив, что на, пусть и стареньких, стеллажах в её библиотеке пыль на книгах и вокруг них не наблюдается, а, вот, в хранилище штата оную, между прочим, обнаружить можно.

Директор школы, которому было под шестьдесят, мистер Вэко, дождавшись окончания выступления библиотекаря, с видимым облегчением обратился к одиннадцати присутствующим членам школьного Совета:

– Будут ли вопросы?

Как обычно, все молчали.

– Что ж, раз нет вопросов... Поблагодарим миссис Августини за содержательный доклад и прежде, чем отпустим её, я хотел бы сказать несколько слов, – Вэко выразительно прокашлялся: – Чтение книг сегодня, как вам хорошо известно, является высшим государственным приоритетом. С десятков лет тому назад наше великое общество едва не потонуло в грехе бессловесности. Дети при попустительстве взрослых читали всё меньше. Естественно, они стали забывать правила речи, выражались обрывками фраз и аббревиатур, коверкали грамматику в сетевых сообщениях и так далее. Здесь, в школе, мы отлично наблюдали эти процессы... Хвала небесам, совместными усилиями органов власти и равнодушной общественности удалось остановить сползание в пропасть. В пропасть невежества и бескультуры!

На несколько секунд он прервался, строго оглядев собрание. Члены Совета, ещё недавно усыпленные речью библиотекаря, теперь приободрились. Директор, с удовлетворением отметив это, продолжил речь:

– Нынче, в соответствии с образовательными стандартами нашего штата – как, впрочем, и многих других – мы следуем нормативам обязательного читательского минимума. Школьник обязан прочитать одну хорошую книгу в месяц. Помимо школьной программы, разумеется. Список хороших книг, как уже отметила миссис Августини, есть в нашей библиотеке...

– И инструкция, как выбрать хорошую книгу, тоже, – встряла библиотекаря.

– Да-да. И инструкция... Так вот. Хотел бы вам напомнить, уважаемые члены Совета, и прошу вновь донести до других родителей, что соблюдение читательского минимума – ваш гражданский долг. Вы должны следить, чтобы дети читали. Более того: чтобы они понимали и усваивали прочитанное. А то, кого ни спросишь: читать читал, а пересказать не могу. На контрольных читках потом греха ни оберешься. Двести слов в минуту, а о чём – двух слов связать не получается... Хм... Ну, вот, допустим, про что «Моби Дик»?

Члены Совета испуганно вжались в стулья. Библиотекаря хитро улыбнулась.

– Ну, ведь ясно, что не про китов! Смысл гораздо глубже! – назидательно резюмировал мистер Вэко. Люди выдохнули: директор, очевидно, ограничился кратким анализом романа.

– У меня вопрос, – поднял руку один из родителей: мужчина средних лет в вязаном свитере.

– А! Появился-таки вопрос. К миссис Августини? Пожалуйста, – разрешил директор.

– Да. Спасибо. Так вот... Есть ли в нашей школе доступ к электронным библиотекам?

– Все наши школьные компьютеры оснащены интернетом... – начала отвечать библиотекаря.

– Я не про то, – перебил её мужчина. – Интернет – это понятно... Я про электронные книги. Вот, у меня сын – в 12-м классе. Он все учебники уже себе скачал. Вот, мне кажется – надо всем так сделать.

– Зачем? – удивился директор.

– Как зачем? Чтоб дети читали.

– В школе у них есть всё необходимое. Бумажные учебники отличного качества.

– Ну, мне кажется, надо чтоб электронные тоже были.

– Это всё стоит денег, – твёрдо заявила миссис Августини. – Раньше в интернете всё было бесплатным. А сейчас – закрыли. Только за деньги стало, – последние слова она произнесла с сомнением.

– Ну, деньги – это понятно, – проговорил родитель, – Но ведь с электронными книгами было б удобнее. Учебники таскать не надо. Посмотрел на компьютере в школьной библиотеке и всё. Или, там, скачал дома и читай себе.

– Пусть качает. Если найдет, откуда, – мстительно сказала библиотекарьша.

– Да он у меня уже с девятого класса всё себе качает!

– Ну, это ваш сын всё качает, – заметил мистер Вэко. – Я его знаю, кажется. Вы – папа Фрэнка, да?.. Он – отличник. Умный парень. На контрольных читках – всегда среди лучших. То, что он умеет качать электронные книги, достойно всякой похвалы. Но другим, боюсь, это сложно делать... И потом. Мы, прости Господи, не в Канаде живём. Где дети в школу без учебников ходят. С одними смартфонами и планшетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.